

schen. In: K. Ehlich (ed.), *Sprache im Faschismus*, Frankfurt am Main.

Wodak, R. (ed.) 1989 *Language, Power and Ideology. Studies in Political Discourse*, Amsterdam (Philadelphia).

Wodak, R. / Kirsch, F.P. (eds.) 1995 *Totalitäre Sprache – Langue de bois – Language of Dictatorship*, Wien.

© Вайс Даниэль, 2007

© Бернольд Анна (перевод), 2007

Васильев А. Д.

Красноярск, Россия

ИГРЫ В СЛОВА:

НАСЕЛЕНИЕ ВМЕСТО НАРОДА

Abstract

In political communication, seemingly similar words “population” and “nation” do differ in emotional colouring. The usage of these words may depend on the author’s ideological persuasion.

Лексикографам хорошо известны трудности, возникающие при попытках семантизации слов, особенно, как ни парадоксально, широкоупотребительных и частотных, более того – неизменно актуальных для носителей данного языка в разные периоды его истории. Решение подобных задач может осложняться и в тех случаях, когда необходимо дифференцировать значения слов, весьма близких и в речевом потоке нередко выступающих в роли чуть ли не дублетов (т.е. одно из них с определенным успехом может заменить собой другое – и наоборот). Правда, при рассмотрении слов, входящих в один синонимический ряд, обычно представляется возможным выделить его доминанту (определяемую, напр., как «один из членов синонимического ряда, избираемый в качестве представителя главного значения, подчиняющего все дополнительные (созначения) и господствующего над ними» [Ахманова 1966: 401], или слово «семантически наиболее простое, стилистически нейтральное и синтагматически наименее закрепленное» [Новиков 1990: 447], хотя, наверное, семантическая простота лексемы – довольно дискуссионное понятие). Казалось бы, вопрос о стилистической нейтральности того или иного конкретного слова достаточно прозрачен: предполагаемая доминанта ряда в идеале должна быть свободна от каких бы то ни было коннотаций. Считают справедливым положение о том, что «отношения маркированности присутствуют во всех случаях, где язык предоставляет своим носителям возможность выбора» [Трубачёв 2005: 227] – иначе говоря, из двух номинаций одного и того же референта одно имеет статус маркированного, а другое – нет (и оно-то оказывается доминантой данного двучленного синонимического ряда). Однако представляется, что не всегда (а может быть, и далеко не всегда) существует возможность такого проти-

вопоставления: немаркированная номинация (доминанта) / маркированная номинация (синоним). Иначе говоря, коннотативные потенции реализуются в обоих случаях, что позволяет судить не только об узусе.

Трудности семантизации слов, близких по своим лексическим значениям, хорошо знакомы как лингвистам, так и представителям других гуманитарных наук, причем и в тех случаях, когда речь идет об элементах соответствующих терминосистем. Решение таких задач особенно осложняется тем, что одни и те же лексемы выступают, с одной стороны, в качестве терминов, среди важнейших критериев вычленения которых – их стилистическая нейтральность. С другой стороны, они могут продолжать бытование в составе общеупотребительной лексики, при этом зачастую обладая коннотациями либо коннотативными потенциями, реализующимися, как правило, вследствие экстралингвистических условий.

Даже беглые наблюдения показывают, что в текстах современных российских СМИ частотность употребления существительного *народ* заметно снизилась по сравнению с советским периодом (это регистрирует и лексикография, указывающая на уход этого слова в пассивный лексический запас). В то же время растет употребительность существительного *население*. Можно предположить, что эти процессы отнюдь не случайны и определяются воздействием неких факторов, имеющих в том числе и глубокие исторические корни. Поэтому считаем целесообразным рассмотреть динамику слов *народ* и *население* в нескольких аспектах.

Конечно, прежде всего следует иметь в виду, что исторические (даже и на уровне микродиахронии) изменения словарного состава нередко свидетельствуют об изменениях ментальности (иногда – и о чьих-то попытках изменить её). Ментальность – «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов 2004: 15]. Трансформировать ментальность, таким образом, можно с помощью «обратной связи», то есть путем регулирования частотности каких-то слов и устойчивых словосочетаний, их переосмысления, придания им коннотаций, стилистической маркированности либо ремаркации и проч. С течением времени – при условии определенной настойчивости пропагандистов и агитаторов (иначе – политтехнологов) и эффективности имеющих у них технических возможностей, времени исторически непродолжительного – в сознании этносоциума, носителя конкретного языка и соответствующей ментальности, происходят метаморфозы, программируемые идеологами-языкотворцами.

«Главная проблема идеологического творчества – это проблема интерпретации... Проблемы интерпретации, мобилизации и манипуляции – это прежде всего проблема языка..., язык идеологии – это язык символов», слова, наполненные символическими смыслами, – вербальные символы – используются идеологами для внедрения своих доктрин в общественное сознание [Ветров 2000: 199]. Причем выбор слов, предназначенных для подобных операций, чрезвычайно важен [Кара-Мурза 2002: 28, 36 и др.]; эти вербальные символы могут оказаться ключевыми в политическом лексиконе, зачастую и в основополагающих государственных документах.

Так, уже в преамбуле Конституции РФ декларируется: «Мы, многонациональный *народ* Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...» (интересны здесь и употребление «множественного монархического» – «мы,... народ..., соединенные...», и подобие некоей реминисценции, ср.: «Мы, народ Соединённых Штатов, с целью образовать совершенный Союз...» [Хрестоматия 2004: 191]). О *народе* как носителе суверенитета и единственном источнике власти в РФ упоминается также в ст. 3 этого документа и в его же ст. 82, где – в своей присяге – президент клянется «верно служить *народу*». *Население* же фигурирует здесь явно как узколокальная общность: согласно ст. 130, «местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение *населением* вопросов местного значения». По-видимому, в цитируемом тексте лексемы *народ* и *население* семантически не тождественны.

Современный статус лексем *народ* и *население*, их семантика и прагматика, вероятно, могут быть уточнены при сопоставительном анализе как фактов сегодняшнего дискурса, так и сведений исторического плана.

Историческая лексикография фиксирует разветвление семантики *народъ*: 1) 'род, племя, потомки' (1499 г.); 2) 'множество, толпа, сонм' (с 1057 г.); 3) мн. и собир. 'люди, народ' (с 1057 г.); 4) 'группа лиц, объединенных общими интересами, политическими и религиозными воззрениями' (XIII – XIV вв. ~ XI в.); 5) 'толпа, чернь' (1499 г.); 6) 'население (страны, города); народная масса' (XI в.); 7) 'люди, принадлежащие к одной этнической общности, народность, народ' XVII в.) [СлРЯ XI – XVII вв.].

Относительно семантики и устойчивой сочетаемости слова *народъ* словари, описывающие лексику более позднего (но современного им) периода ([САР₁]), сообщают: *народъ* – 1) 'язык, племя, жители государства, страны какой, состоящие под одними законами и говорящие одинаковым природным языком'. «Народ благоучрежденный, сильный, воинственный, браноносный». «Народы сьверные, восточные». «Всякій народъ имьеть свои

обыкновенія»; 2) 'особенно берется за множество людей'. «Бь народъ мытарей многъ». Лук. 5, 29. – «Простый народъ». «Чернь, простолюдины» (те же дефиниции воспроизводятся в [САР₂] [Сл. Соколова]). Далее: *народъ* – 1) 'жители страны или государства, говорящие одним языком; язык, племя'. «Народ образованный»; 2) 'жители страны или государства, принадлежащие к низшим сословиям'. «Воскреснемъ ли когда от чужевластья Модъ, Чтobъ умный, бодрый нашъ народъ, Хотя по языку, насъ не считалъ за нъмцев!» Грибоедов; 3) 'множество людей; толпа'. «На гуляньи много было народа». «Мальчишекъ радостный народъ Коньками звучно рьжетъ ледъ». Пушкин. – Простой народъ. Чернь, простолюдины» [Сл. 1847 г.]. У Даля *народъ* – 'люд, народившийся в известном пространстве; люди вообще; язык, племя; жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управленьем; чернь, простолюдые, низшие податные сословия; множество людей, толпа' [Сл. Даля].

Несколько забегаая вперед, можно сказать, что эти дефиниции являются до некоторой степени прототипами позднейших, даваемых лексикографией XX столетия. Толкования слова *народъ* в словарях, отражающих состояние русской лексики к XVIII – XIX вв., достаточно кристаллизованы и содержат основные критерии, по которым определяется данная общность людей. Обратим внимание на то, что, несмотря на некоторые модификации (скажем, исключение параметра «единство законов» – возможно, в результате его осмысления как имманентно наличествующего у полночного государства), постоянно присутствует указание на «одинаковый (один) язык» – важнейшее свойство этноса. Кроме того, важно учитывать иерархическую структуру значений, кажется, уже устойчиво сформировавшуюся и включающую в себя (сначала в качестве речения, затем – самостоятельно ценного значения) «низшие сословия», т.е. вычленение группы этноса по социально-имущественному критерию. Что касается дефиниции, данной в [Сл. Даля], то, по сравнению с другими, она выглядит некоей их суммой. Однако, пожалуй, с учетом последней, есть определенные основания предположить и некое подобие омонимизации: многозначность слова *народъ* ощущалась в XIX в. чуть ли не как диффузность его семантики, причем настолько заметная, что могла восприниматься как контекстуально обусловленная (в зависимости от идеологических и политических предпочтений авторов и их аудитории – тоже неоднородной по своим воззрениям). Это отразилось, в частности, в следующих суждениях Н. К. Михайловского и А. И. Богдановича: «Под словом *народ* мы сплошь и рядом разумеем то этнографическую группу, то государственно-национальную, то исключи-

тельно «мужика», то «чернь», «простонародье», то представителей труда..., то толпу...» – «В течение 30-ти последних лет... создалась даже особая «народническая» литература, до сих пор не выяснившая, что же собственно понимать надлежит под ее таинственным «народом»... Слово, не сходящее со страниц книг, статей, брошюр, политических воззваний, каждый раз вбирало в себя то содержание, которое определил для него пишущий» [Лексика 1981: 234]. Ср. также сатирическую интерпретацию подобной вариативности семантики в художественно-литературном тексте 1871 г.:

«Феодал! – закричал на него патриот, –
Знай, что только в народе спасенье!»
Но Поток говорит: «Я ведь тоже народ,
Так за что ж для меня исключенье?»
Но к нему патриот: «Ты народ, да не тот!
Править Русью призван только черный народ!
То по старой системе всяк равен,
А по нашей лишь он равноправен!»
[Толстой 1981: 191]

Результаты этих семантических процессов, вероятно, получивших специфические дополнительные импульсы в ходе революционных катаклизмов и последовавших при торжестве новой идеологии социально-политических преобразований, нашли воплощение в советской лексикографии. Ср.: «народ – 1) 'население, объединенное принадлежностью к одному государству; жители страны'; 2) 'то же, что нация, национальность'; 3) 'в эксплуататорском государстве – основная масса населения (преимущественно крестьяне) в противоположность правящему классу'» [СУ]. Заметим, что утвердившееся было в словарях русского языка XIX в. указание на общность языка как обязательный атрибут *народа* теперь уже не приводится – возможно, как утратившее актуальность для многонационального и многоязыкого Советского Союза (где в то время очевидно были еще сильны представления об абсолютном равноправии совершенно всех языков [Алпатов 2003: 22]). По поводу знач. 3 – см. саркастический комментарий, выдержанный в духе беспощадной (но несколько запоздалой) борьбы с заклятым тоталитаризмом: «В социалистическом (советском) государстве народ – свободный господин; в капиталистическом государстве народ задавлен буржуазией, составляющей правящее меньшинство» [Купина 1995:68] (хотя это можно теперь воспринять и как нейтральную констатацию). В этом же словаре отмечено как устойчивое словосочетание *простой народ* – (д о р е в о л ю ц.) 'то же, что *народ* в 3 знач.'

Немного иначе семантика рассматриваемого слова представлена в другом словаре; здесь о роли единого языка тоже не сообщается, но регистрируется еще одно значение (впрочем, известное по более ранним перио-

дам и словарям, их отражающим): «народ – 1) 'население, жители той или иной страны, государства'. Советский народ;... 2) 'нация, национальность, народность'; 3) 'основная трудовая масса населения страны (в эксплуататорских государствах – угнетаемая господствующим классом)'. Трудовой народ; 4) 'люди'; здесь же в качестве устойчивых приводятся словосочетания *простой народ* (правда, без пометы д о р е в о л ю ц.) и *черный* (или *подлый*) народ, квалифицируемое как устар. – 'в классовом, эксплуататорском обществе: люди, принадлежащие к неимущим слоям населения (крестьяне, рабочие, ремесленники и т.п.)'» [МАС₂].

По-видимому, иллюстрация-речение к знач. 1 в этом словаре приведена с учетом данного в преамбуле Конституции СССР (1977 г.) определения развитого социалистического общества, в котором, в частности, «сложилась новая историческая общность людей – советский народ». Многоаспектная развернутая семантизация последнего словосочетания представлялась тогда таким образом: «новая ист., социальная и интернац. общность людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистич. по содержанию культуру, союзное общенар. гос-во и общую цель – построение коммунизма; возникла впервые в истории в результате социалистич. преобразований на основе сближения всех социальных групп, юридич. и фактич. равенства всех наций и народностей СССР. Представляет собой многонац. коллектив тружеников города и деревни, объединенный общностью социалистич. строя, марксистско-ленинской идеологией, коммунистич. идеалами рабочего класса, принципами интернационализма» [Советский энциклопедический словарь 1983: 1227].

Ср. также некоторые примеры типичной сочетаемости слова *народ* советского времени: *народ* в знач. 'население государства; нация, национальность': «великий, могучий, героический, непобедимый, трудолюбивый, талантливый, русский, советский, американский, наш, свой, весь...; народ-герой, народ-победитель, народ-созидатель, народ-творец... Для народа (жить, работать, трудиться). За [какой-либо] народ умереть, отдать жизнь..., перед народом отвечать за что-либо. [Какой-либо] народ поднялся на что-либо (на борьбу, на защиту чего-либо)...» и т.п. [Сл. сочет.].

Можно было бы сказать, что, несмотря на многие, в том числе – радикальные, изменения, происходившие на протяжении столетий, русская лексикография (и советского периода – тоже) формулировала и довольно устойчивые во времени дефиниции слова *народ*. Они в основных своих чертах соответствуют следующим положениям: «Общий смысл слова *народ* и заключался в указании на некую однородную множественность, уже не обязательно

общего происхождения, но всегда определенно объединенную какой-либо общей силой, признаками, которые свойственны только ей. К такому представлению и восходят современные выражения вроде *народный дух, сила народа, единство народа*. Представление это непосредственно вытекало из древнейшего образа «на-рода», и образ этот, несмотря на позднейшее развитие слова, устоял в веках, мало-помалу отливаясь в понятие «народ»... Слово *народъ* постепенно вырабатывало новое, тоже терминологическое значение: оно стало обозначать единство по территориальному, а не по родовому признаку» [Колесов 1986: 138].

Впрочем, надо сказать и о том, что в новейших лексикографических изданиях – постсоветского времени, или, как выражаются, кажется, еще с конца т. н. перестройки, «переходного периода», – семантика и типичная сочетаемость существительного *народ* представлены уже несколько иначе, чем ранее; составители словарей иногда снабжают его некоторыми пометами; возможны также иные варианты.

Так, указывая на уход существительного *народ* в пассивный лексический запас, приведя примеры нескольких устойчивых сочетаний (*во благо, на благо народа; враг народа; опиум (для) народа; отец народов*) и открыв данную статью пометой в советск. время, лексикографы почему-то сочли возможным не упомянуть, о каком именно значении слова *народ* здесь идет речь, – дефиниция отсутствует [ТССРЯ].

В другом случае и вычленение существительного *народ*, и иерархия его семантической структуры почти совершенно повторяют подобные из словарей советского времени. Ср.: *народ* – 1) 'население государства, жители страны'. «Российский народ»; 2) 'нация, национальность или народность'. «Русский н.». «Северные народы»; 3) 'основная трудовая масса населения страны'. «Трудовой народ». «Выходцы из народа». «Простой народ»; 4) 'люди, группа людей' [ТСОШ]. Можно заметить, что в качестве иллюстрации к знач. 1 дается сочетание *российский народ*, по своей сути мифологическое: «...искусственное межнациональное понятие [*советский народ*] ушло вместе с обанкротившейся идеологией... Его пытаются видоизменить в понятие «*российский народ*», которого в природе не существует» [Фролов 2005: 506]. Интересно, однако, что в иллюстрации значения 2 далее приводится «русский н.» – именно так, сокращенно – возможно, для экономии пространства статьи (кстати, затем – полностью – выступают «северные народы»). Толкование знач. 3 уже не содержит никаких упоминаний об эксплуататорах, угнетении и прочих политнекорректных вещах (по какой-то ассоциации вспоминается

переименование первомайского праздника в благопристойнейший «Праздник Весны и Труда»).

Можно достаточно обоснованно полагать, что весьма высокая эмоционально-оценочная тональность, сформировавшаяся у существительного *народ* в советский период истории русского языка, естественно поддерживавшаяся и укреплявшаяся официально-пропагандистскими усилиями, была, очевидно, «подготовлена» характером бытования этого слова в предыдущие эпохи.

По известным нам источникам, история существительного *население* является гораздо менее «яркой», нежели у слова *народ*. Для древнерусской эпохи отмечают лишь одно его значение – 'заселение' (с XI в.), манифестирующее относительную обжитость какой-либо территории, вне связи с гомогенностью «населяющей» общности по родовому (этническому), культурному, языковому и т.п. признакам.

Это же значение регистрировалось рядом словарей с конца XVIII и самого начала XIX в.: 'население какого места жителями, народом' [САР₁, САР₂]; 'наполнение какого места жителями, народом' [Сл. Соколова]; 1) 'действие населяющего и населившего'; 2) 'населенный народ' [Сл. 1847 г.]; 'народонаселенье, народ, населяющий собой край, место' [Сл. Даля].

Та же семантика слова *население* отмечается и лексикографией советского времени, ср.: *население* – 1) 'жители, люди, проживающие в каком-н. месте'; 2) 'совокупность людей, живущих на определенной территории; народонаселение' [СУ]; *население* – 1) 'действие по знач. глаг. *населить* – *населять* и состоящие по значению глаг. *населиться* – *населиться*'; 2) 'совокупность жителей (области, страны и т.п.; народонаселение'. «Население города». «Перепись населения». «Плотность населения» [МАС₂]. Ср. некоторые примеры типичной сочетаемости существительного *население* в те же годы: *население* – 'жители какого-л. места как единое целое'; 'мирное, гражданское, местное, городское, сельское, коренное, трудоспособное...; земного шара, Земли, страны, края, области, города, района...; запросы, требования, интересы, занятость, обслуживание, жизненный уровень, благосостояние, снабжение, плотность, численность, прирост, увеличение, уменьшение, перепись...' и т.п. [Сл. сочет.].

В дальнейшем дефиниции остаются почти теми же; лишь иногда добавляется специально-терминологическое значение: *население* – 1) см. 'населить'; 2) 'жители какого-н. места, местность'. «Н. района». «Перепись населения»; 3) 'животные, живущие в каком-н. одном мест' (спец.). «Рыбное население водоема» [ТСОШ]. Небезынтересно, что в одном из сегодняшних словарей существительное *население* фигурирует лишь в качестве компонента

устойчивого словосочетания *коренное население*, использование которого заметно участилось в конце XX в.: «понятие коренного населения актуализировалось в связи с обострением межнациональных отношений после распада СССР и возникновением территориальных претензий тех или иных групп населения в различных регионах бывшего СССР» [ТССРЯ] (стоит заметить, что применительно к русским это словосочетание, кажется, ни разу не употребилось).

Таким образом, оказывается, что, в отличие от существительного *народ*, существительное *население* вряд ли способно вызывать столь же прямые ассоциации с представлениями о некоем конкретном этнокультурном единстве, связанном общими традиционными ментальными (и лингвоментальными) ценностями и т.п. *Население* – это, скорее, термин статистики и сопряженной с ней демографии (ср.: *на душу населения, численность населения, перепись населения* и проч.); в самом деле, довольно трудно предположить наличие где-либо и когда-либо **героического населения, *великого населения, *населения-победителя* и т.п. несообразностей (разве что в текстах местечковых скетчистов).

Рассматриваемые лексемы могут выступать в качестве элементов ряда терминосистем (философской, юридической, политической и др.). Приведем некоторые примеры их осмысления (далеко не всегда единообразно) в этой ипостаси.

В современном российском конституционном праве за одну из отправных точек принимается дефиниция народа, естественно соответствующая данным в действующей конституции формулировкам: «*народ* – ... *население* определенной страны, выступающее как источник и носитель власти в государстве»; это понятие, «по определению, связано с государственной организацией общества, суверенитетом, формированием государственных структур, гражданством». С позиций этой же науки, «*народ* – более широкое понятие, чем «*нация*», понимаемая как общность группы людей на этнической основе» [Конституция 1997: 155]. Хотя статья, посвященная понятию «*нация*», в этом издании отсутствует, чрезвычайно многозначительной и симптоматичной для правильного понимания вышеприведенного разграничения (*народ/нация*) следует считать содержащуюся здесь же ссылку на иноязычный – и инокультурный – аналог: «в странах английского языка, и не только [разрядка наша. – А.В.], термин «*нация*» – «*nation*» – адекватен термину «*народ*». Казалось бы, апелляция к чуждому языковому сознанию и порождаемой в нем языковой картине мира является излишней при постулировании положений российской конституции и комментировании этимологически русско-

го термина *народ*. Однако надо иметь в виду некоторые современные реалии – напр., соответствующую и сопутствующую процессу глобализации американизацию права [Иванец, Червонюк 2003: 91 и др.]. В цитируемом издании *население* определяется как «совокупность людей, проживающих на данной территории, имеющих с ней постоянную правовую связь», причем указывается, что именно в конституционном праве, когда речь идет о государстве в целом, понятие «*население*» используется как аналогичное понятию «*народ*» (напр., в известной триаде признаков государства: «*власть, территория и население*») [Конституция 1997: 156].

Несколько иначе трактуют «*народ*» политологи: «*народ* – основополагающий конституирующий элемент государства, его субъект». Впрочем, приводя для сравнения два основных подхода к раскрытию этого понятия, выделяют, во-первых, понимание *народа* как *нации*, то есть как преимущественно этнической общности, возникающей на базе общего происхождения («*крови*»), истории, языка и культуры – такой подход, оказывается, «часто используется для оправдания привилегий титульной нации, этнических чисток и других действий, нарушающих права человека»; видимо, поэтому «такие попытки обоснования этнической чистоты государства научно несостоятельны». Зато, вероятно, научно состоятельными считаются иные – в соответствии с духом времени – подходы: «Современные либерально-демократические государства... базируются на признании народа как гражданской общности, субъекта государственности и источника власти» [Введение в политологию 1996: 139]; иначе говоря, и здесь *народ* отождествляется с *населением*.

Специалисты в области крлатологии предлагают следующие толкования: «*народ* – 1) «*население государства, жители страны*»; 2) «*в демократически устроенном государстве субъект власти и вместе с тем ее объект*»; «*население* – «*жители какой-либо страны, города, села, региона и т. д.*» [Халипов 1997: 226-227]. И в этом случае *народ* и есть *население* – и vice versa.

Воистину, «научная терминология как продолжение народной тоже поневоле наделена метафоричностью» [Трубачёв 1992:43] и «ничто языковое не чуждо терминам» [Котелова 1974: 61].

Вполне вероятно, что подобные же научно-образно-идеологические установки стали обретать популярность, выступая в качестве обоснования пропагандистских опусов, тиражировавшихся средствами т.н. массовой информации примерно с к. 1980-х – нач. 1990-х гг. В этот период «традиционное употребление слова *народ*, присущее ему на протяжении длительного времени, начинает колебаться

под влиянием социально-исторических факторов и их осмысления нашими современниками. Главным здесь является возникновение в общественно-речевой практике ментальной оппозиции слов (понятий) *народ* (в смысле «нация») и *население* (в смысле «безнациональная масса»), в которой первый член (*народ*) обладает положительной коннотацией (эмоционально-оценочным значением), а второй член (*население*) – отрицательной. Эти новые смысловые отношения существительных *народ* и *население* носят антонимический характер в отличие от традиционных, близких к синонимическим» [Сковородников 1997]. Наверное, в связи с этим можно говорить, скорее, о контекстуальной антонимии; кроме того, в цитируемой статье рассказывается в основном о видимых симптомах явления – и гораздо менее подробно о его вероятных причинах и источниках (приводимые примеры из печатных изданий, как национально-патриотических, так и либерально-демократических, лишь иллюстрируют их позиции, являясь в каждом случае чем-то вроде символов политической веры).

Между тем, следует попытаться определить факторы, под воздействием которых существительное *народ* стало как будто нежелательным элементом дискурса СМИ (включая официоз), получив (как, напр., и прилагательное *советский*, судя по текстам речей последнего десятилетия, посвященных Дню Победы) статус табуизма. Одним из наиболее заметных и эффективных приемов словоупотребления, приведших к такому результату, надо очевидно считать характер использования в тех же СМИ прилагательного *народный*, явно контрастирующий с соответствующими фактами советского периода. Лексикография того времени представляет слово *народный* по преимуществу как окруженное ореолом некоей высокой патетики и – уж во всяком случае – как положительно-оценочное.

Ср.: «*народный* – 1) прил. к *народ* (в 1, 2 и 3 знач.). Народные массы. Народное творчество... // 'Принадлежащий народу, стране; государственный'. Народные богатства. Народное хозяйство; 2) 'тесно связанный с народом, соответствующий духу народа, его культуре, мировоззрению'... 'В составе названий некоторых учреждений, должностных лиц в СССР'. Народный заседатель. Народный суд // ... 'В составе почетного звания, присваиваемого высшими органами государственной власти СССР и союзных республик за выдающуюся деятельность в области науки, искусства, просвещения и т.д.' Народный артист республики. Народный художник СССР. Народный врач СССР»; здесь же – устойчивые словосочетания: «*Народная воля* – название тайной политической революционной народнической организации в России в 80-х гг. XIX в. *Народная демократия* – форма политической организа-

ции общества, представляет собой диктатуру пролетариата, своеобразие которой – многопартийность при ведущей роли марксистско-ленинской партии. *Народная дружина* – добровольная организация граждан, помогающая милиции в охране общественного порядка. *Народный комиссар* – член советского правительства, возглавлявший (до 1946 г.) один из народных комиссариатов... *Народный контроль* – в СССР система органов, сочетающих государственный контроль с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, в учреждениях и организациях... *Народные мстители* (в статье *мститель* – ... высок. 'О партизанах, ведущих народную войну против захватчиков'). *Народное ополчение* – войско, собираемое в помощь регулярной армии на добровольных началах... *Народный фронт* – форма организации широких народных масс, объединяющихся вокруг рабочего класса для борьбы против фашизма и войны, за демократию, мир, социальный прогресс» и т.п. [МАС₂] (примерно то же – в [Сл. соч.]). Небезынтересно, что последнее из вышеприведенных словосочетаний в период т.н. перестройки актуализировалось применительно к советской действительности, но уже наполненное иным понятийным содержанием, см.: *народный фронт* – 'общественное объединение, деятельность которого направлена главным образом на борьбу за национальное возрождение' [ТССРЯ]. Стоит также напомнить, что в советскую эпоху постоянно и регулярно использовался особый пропагандистский жанр: призывы ЦК КПСС к государственным праздникам – Дню международной солидарности трудящихся (1 Мая) и Годовщине Великой Октябрьской социалистической революции (7 Ноября), где, в частности, провозглашались здравицы социальной триаде – фундаментальным компонентам советского общества, включавшие в себя постоянные дифирамбические эпитеты: *героический рабочий класс, славное колхозное крестьянство и народная интеллигенция* (впрочем, большая и влиятельная часть последней уже во время перестройки сумела подтвердить и доказать на деле справедливость известной оценки, данной ей некогда В. И. Ульяновым-Лениным).

Тональность современного использования прилагательного *народный* и возникающие при этом коннотации формируются в значительной степени за счет контекстуального окружения и синтагматических связей слова; коннотации могут в известной мере варьироваться. Об этом свидетельствуют примеры из российского телевизионного дискурса, условно подразделенные нами на группы по оценочному признаку (впрочем, не всегда четко эксплицированному).

Явно положительной оказывается оценка определяемого персонажа в следующих вы-

сказываниях: «Лидеры «Яблока» и СПС говорят о том, что пора постепенно научиться в России выдвигать *народного* президента, причем – справа» [24. RenTV. 05.07.02]. «В Англии Тони Блэра называют иногда «*народным* премьером», так как свою карьеру он начинал водителем и грузчиком» [Ночное «Время». ОРТ. 10.10.02]. «[Глава Малайзии – конституционный монарх] играет в теннис, футбол... За это... его называют «*народный* раджа» [Вест. РТР. 05.08.03]. «...Один из немногих людей у власти, кто за полтора года не потерял *народной* любви» [Обозрение-7. 7 канал. 07.10.02]. «В отличие от *народного* премьера Черномырдина, Касьянова называли премьером техническим» [Неделя. RenTV. 28.02.04]. «*Народный* губернатор» – именно так называли земляки Михаила Евдокимова» [Новости. ТВК. 11.08.05]. «Сергей Безруков сыграл *народного* участкового» [Новости. ОРТ. 30.01.05]. «Спартак» по праву называют *народной* командой» [НТВ. 16.02.05] и др.

Близки к приведенным (хотя иногда – в рекламных целях – находятся на грани постмодернистской иронии, или «стёба») такие примеры: «русская *народная* передача «Городок», «русская *народная* программа «Плэйбой», «*народная* жевательная резинка», «сорт пива...получил первое место в номинации «Самое *народное*» [RenTV. 17.04.02], «Борис Моисеев в *народной* драме «Чужой» [РТР. 11.03.02], «*народный* автомобиль» [его цена – 21,5 тысячи долларов. – Афонтово. 22.01.03]. «... Новогодняя быдлюшная, почти *народная!*» [Comedy Club. ТНТ. 29.01.06] и т.п.

Несколько иной оттенок возникает у прилагательного *народный* в таких контекстах: «*народный* автобусный маршрут..., бесплатный, для пенсионеров» [Вести-Красноярск. РТР. 22.10.03]; он довольно ощутимо близок к тому значению, которое еще недавно можно было считать устаревшим: ... 3) 'в дореволюционной России: предназначенный для низших слоев общества; общедоступный' [МАС₂]. Настоячивое противопоставление высших слоев низшим ныне совершенно откровенно выражается в рекламных текстах вроде: «Цены – от элитных до *народных*». Любопытно, что градация обычно осуществляется именно в такой последовательности, ср. другой рекламный текст: «Мебель – царская, цены – холопские» [ТВК. 16.01.04].

Небезынтересно и исчезновение *народного* образования (по крайней мере, в именовании соответствующего министерства и его подразделений). В связи с этим стоит отметить: депутаты Госдумы отвергли предложение своего коллеги С. Бабурина именоваться впредь «*народными* избранниками» [Вести недели. РТР. 27.09.04]. Можно предположить, что это отторжение было вызвано не только стремлением избежать каких-либо ассоциа-

тивных связей с советскими народными депутатами, дабы не оказаться заподозренными в симпатиях к бесчеловечному тоталитаризму, но и пониманием (пусть интуитивным) специфических коннотаций, которыми прилагательное *народный* обросло за последние годы.

Существительное *народ* звучит в телеэфире исключительно редко: «Письмо Эренбурга [Сталину]... избавило *народ* [советских евреев] от выселения [из Москвы и Ленинграда – на периферию], бед и страданий» [В. Вульф. Мой серебряный шар. РТР. 10.06.05].

В то же время существительное *население* весьма частотно: «Если будет победа в первом туре – это огромный аванс со стороны *населения*» [В. Путин. Новости. ОРТ. 27.03.00]. «*Население* чувствует, что с землей надо поступить каким-то особым образом» [А. Гордеев, министр сельского хозяйства. РТР. 28.05.02]. «Мы просто *население* опрашиваем, кого бы они хотели [видеть] губернатором» [А. Беспалов, председатель генсовета партии «Единая Россия». Новости. Афонтово. 26.07.02]. «... *Население*, пережившее [интересен здесь выбор формы именно прошедшего времени. – А.В.] все тяготы переходного периода» [Ночное «Время». ОРТ. 18.01.03]. «... Можно сказать, что мы этих проблем не видим... Сказать *населению*... *Население* должно знать» [А. Чубайс. 24. RenTV. 10.04.03]. «Есть большая прослойка *населения*, которая будет противиться реформам, проводимым государством» [Г. Греф. 24. RenTV. 05.04.05]. «*Население* относится скептически не только к самым крупным собственникам» [В. Найшуль. Времена. ОРТ. 19.06.05]. «По словам президента, Общественная палата должна служить интересам всего *населения*» [Время. ОРТ 20.07.05]. «Мы не можем [в социальной сфере] отделяться подачками *населению*» [Б. Титов, предс. организации «Деловая Россия». Доброе утро, Россия. РТР. 21.06.05]. «Депутаты считают, что если выскажут мнение [в Интернете] все слои *населения*, то это положительно скажется на работе Законодательного собрания» [хотя почему-то не учитывается, что не у всех «слоёв» есть доступ к Интернету. – Новости. 7 канал. 16.02.06] и мн. др.

Множественное смешение *населения* (жителей региона) и *населения* (народа страны) закономерно приводит к нивелированию, стиранию различий между ними – и не в пользу *народа* как этнической общности, а сводится, скорее, к некоему условному «среднеарифметическому» множеству (без роду-племени, как выражались ранее).

Усугубляются эти процессы и постоянным акцентированием того, что *население* не живет в государстве или стране, а обитает преимущественно на неких «пространствах» (ср.: *экономическое пространство, валютное пространство, информационное пространство,*

культурное пространство, образовательное пространство и т.п.). Это довольно отчетливо напоминает как приснопамятные Ostraum и Lebensraum, так и реплику литературного персонажа: «Да, im Raum verlegen... im Raum-то у меня остался отец, и сын, и сестра в Лысых Горах. Ему это все равно...» [Толстой 1980: 217].

Если принять терминологический инструментарий тех лингвистов, которые в послесоветские годы бесстрашно сражаются то с «советским тоталитаризмом», то за «демократическую толерантность», можно присвоить слову *население* статус новейшей «идеологемы» (или одного из глобализмов [Денисова 2004]), применение которых в пропагандистских целях может иметь далеко идущие последствия. Скажем, претендовать на земли и их недра, реквизируя их у какого-либо *народа*, всё же, наверное, не вполне политкорректно, а вот проделать подобное по отношению к *населению* гораздо проще – особенно если само *население* прочно уверено в этом своем статусе.

Барско-ироническое осмысление прилагательного *народный* (ранее в значительной степени советизма), ёрничество по поводу обозначаемого им комплекса понятий также обладают довольно прозрачными интенциями и манипулятивным ресурсом. Надо иметь в виду, что обычно в таких случаях подразумевается именно русский народ. Цепочка рассуждений может выстраиваться приблизительно следующим образом: *народное* – нелепое, бездарное, плохое, некультурное, нецивилизованное, потому что таков *народ*. Но «Россия и сейчас на восемьдесят пять процентов населена русскими... По научным воззрениям – она в принципе называется однонациональной... Россия – однонациональная страна, и это всячески замалчивается и оттесняется на задний план средствами массовой информации и всякими... «идеологическими диверсантами» [Трубачёв 2004: 206-207]. Ср.: «Мы привыкли называть нашу страну многонациональной, но при этом как бы забываем, что примерно три четверти ее населения составляют русские» [Доровских 2003: 10], то есть являются государствообразующей нацией, и если она так плоха... Здесь опять же уместны некоторые литературные ассоциации: «Господин Крафт... вывел, что русский народ есть народ второстепенный..., которому предназначено лишь послужить материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества. Ввиду этого, может быть, и справедливого своего вывода, господин Крафт пришел к заключению, что всякая дальнейшая деятельность русского человека должна быть этой идеей и парализована, так сказать, у всех должны опуститься руки...» [Достоевский 1957: 57].

В терминах информационно-психологической войны подобное именуется деморализаци-

ей противника. Примерно та же цель преследуется и разрушением якобы сугубо советского пафоса, воплощавшегося, в частности, в существительном *народ*.

С превращением *народа* в *население* связаны и операции по внедрению адекватного обозначения единиц последнего: «Все чаще стали нас называть *россияне*, по слову *Россия*, как известно, искусственному, в греческом произношении оно заменило исконное слово *Русь*... *Россиянами* называют нас потому-де, что вошли мы в мировое сообщество...» [Колесов 2004: 191-192]. О.Н. Трубачёв видел в этом «не одну только порчу языкового вкуса, но и дезориентацию национального самосознания – когда уже и сам русский себя готов назвать [и ведь называет! – А.В.] россиянином. Ведь россиянин – это житель России, в принципе, любой национальности...» [Трубачёв 2004: 72]. Столь же занятно, сколь и симптоматично, что в федеральной целевой программе «Русский язык (2006-2010 годы)» констатируется парадоксальное «ослабление национальной самоидентификации россиян [!]». Ср. иронический комментарий современного писателя: «О русской идее здесь напоминало только блатное обращение «россияне», всегда казавшиеся Татарскому чем-то вроде термина «арестанты», которым воры в законе открывают свои письменные послания на зону, так называемые «малявы» [Пелевин 1999: 180], а также следующее оптимистическое телесуждение: «Из печати исчезло слово *русский*. Люди начинают определять себя как *россияне*. Это колоссальный шаг вперед. Но до тех пор, пока люди будут определять себя как *земляне*, пройдет еще немало времени» [Д. Радышевский. Пресс-Экспрес. ОРТ. 15. 01.97] (подр. см.: Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. М., 2003. С. 180-211).

Это «касающееся всех нас недоразумение» (В.В. Колесов) принципиально тоже не ново: «Мы даже и человеками-то быть тяготимся..., стыдимся этого, за позор считаем и норомим быть какими-то небывалыми общечеловеками» [Достоевский 1956а: 224]. – «...Почвы нет, народа нет, национальность – это только известная система податей, душа – *tabula rasa*, вощичек, из которого можно сейчас же вылепить настоящего человека, общечеловека всемирного, гомункула – стоит только приложить плоды европейской цивилизации...» [Достоевский 1956б: 79].

Перспективы дальнейших семантических эволюций рассмотренных здесь слов почти всецело определяются влиянием манипулятивных технологий через СМИ, направленным (как об этом можно судить даже и по относительно небольшим группам слов) на изменение русской ментальности – в сторону «безнациональности», отказа от этнической самобытности и ее утраты – таким, по-видимому, пред-

ставляется манипуляторам один из решающих этапов построения т.н. «гражданского общества», состоящего как раз из *населения*.

По оценкам некоторых специалистов, происходит процесс «толпообразования»: «В последние десять лет мы в России видим целенаправленные действия по превращению народа в толпу – через изменение типа школы, ослабление традиций и пропаганду безответственности» [Кара-Мурза 2002: 235]. Известны и несколько иные универсально-прогностические оценки подобных ситуаций: «Гибель цивилизации проявляется в том, что на ее территории останавливается накопленное культурно-историческое время [ср.: «...времени уже не будет». – Откр. 10,6], девальвируется ценность общественного сознания, разрушается целостное восприятие прошлого, настоящего и будущего. Нация, некогда составлявшая цивилизованное общество, как бы впадает в беспамятство и превращается в популяцию» [Немчинов 1993: 63-64]. Кстати, последнее слово ранее регистрировалось лексикографами лишь в специальном значении 'совокупность одного вида животных или растений, находящихся на определенной территории' [МАС₂]. Но сегодня (возможно, не без влияния англ. *a population*) его начинают употреблять применительно как к отдельным социальным группам, так и к целым этносам. Ср.: «Среди популяции этих [беспризорных] детей появились и такие, у которых есть родители» [М. Акимов, координатор программы «Дети Санкт-Петербурга». Намедни. НТВ. 21.01.02 – уместно напомнить, что в [Сл. 1847 г.] одно из значений слова *народъ* иллюстрируется пушкинским: «мальчишек радостный народ...»]. «Через сто лет белорусы как популяция вообще исчезнут с лица земли» [Дела. Афонтово. 21.01.03].

Таким образом, операции по изменению русской ментальности, некогда проводившиеся под лозунгами гипертрофированного интернационализма (Ср.: «Вы – какие?» – служебно спросили они [«сторожевые мужики»]... «Мы – международные!» – припомнил Копенкин звание Розы Люксембург: международный революционер. Постовые задумались. «Евреи, што ль?» ... «Я тебя кончу на месте за такое слово!» – произнес Копенкин» [Платонов А.П. Чевенгур // Платонов А.П. Ювенильное море: Повести, роман. М., 1988. С. 320]), сегодня получили новую движущую силу – глобализацию, направленную, в том числе, и на устранение национальных различий. Между прочим, любопытно, что СМИ в России обычно стараются избегать употребления слова *глобализация* (может быть, в соответствии с традициями одной из религий, как сакрального?), застенчиво-эвфемистически заменяя его на некие «мировые трансформационные процессы», но при этом старательно и последовательно создавая

«образ врага» в лице т.н. антиглобалистов [Васильев 2006: 105-110]. Видимо, когда народ перестает считать себя *народом* и приобретает навязываемую ему самооценку, низведенную до *населения* (что можно рассматривать и как переход от сакрального к профанному, и как утрату сакрального, и как сакрализацию профанного), стирается один из слоев, защищающих не только естественную культурную идентичность и экономическую самостоятельность, но и стремление к поддержанию государственного суверенитета.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

МАС₂ – Словарь русского языка в 4-х тт. М., 1981 – 1984.

САР₁ – Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. Ч. 1-6. СПб., 1789 – 1794.

САР₂ – Словарь Академии Российской, азбучным путем расположенный. Ч. I – VI. СПб., 1806-1822.

Сл. Даля – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. Т. I – I – IV. М., 1955.

СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. Изд. с 1975 г.

Сл. Соколова – Общий церковно-славяно-русский словарь, сост. П. Соколовым. Ч. 1-2. СПб., 1834.

Сл. сочет. – Словарь сочетаемости слов русского языка. Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М., 1983.

Сл. 1847 г. – Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 1-4. СПб., 1847.

СУ – Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1-4. М., 1935-1940.

ТСОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М., 2001.

ТССРЯ – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2001.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов В.М. Что такое языковая политика? // Мир русского слова. 2003. № 2.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Васильев А.Д. Некоторые манипулятивные приемы в текстах телевизионных новостей // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006.

Введение в политологию. Словарь-справочник / Под ред. В.В. Пугачева. М., 1996.

Ветров С.А. Идеология и ее язык // Язык. Человечество. Картина мира. Ч. 1. Омск, 2000.

Денисова С.П. Глобализмы в языке массовой коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2004.

Доровских Е.М. Правовые проблемы защиты русского языка // Государство и право. 2003. № 2.

Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10-и томах. Т. 4. М., 1956 [Достоевский 1956а].

Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Собрание... Т. 4. М., 1956 [Достоевский 1956б].

Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Собрание... Т. 8. М., 1957.

Иванец Г.И., Червонюк В.И. Глобализация, государство, право // Государство и право. 2003. № 8.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М. 2002.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.

Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.

Конституция Российской Федерации. Энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1997.

Котелова Н.З. Искусственный семантический язык (теоретические предпосылки) // Вопросы языкознания. 1974. № 5.

Купина Н.А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь, 1995.

Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / Отв. ред. Филин Ф.П. М., 1981.

Немчинов В.М. Популяция, формация и цивилизация // Цивилизации. Вып. 2. М., 1993.

Новиков Л.А. Синонимы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Пелевин В. Generation П. М., 1999.

Сковородников А.П. Народ и население: очерк современного публицистического словоупотребления // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 2. Красноярск-Ачинск, 1997.

Советский энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 1983.

Толстой А.К. Поток-богатырь // Толстой А.К. Сочинения в 2-х томах. – Т. 1. М., 1981.

Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание соч. в 22-х томах. Т. VI. М., 1980.

Трубачёв О.Н. / О состоянии русского языка // Русская речь. 1992. № 5.

Трубачёв О.Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового союза славян. М., 2004.

Трубачёв О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2005.

Фролов Н.К. Феномен русскости и истоки руссофобии // Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию. Т. 1. Тюмень. 2005.

Халипов В.Ф. Власть. Кратологический словарь. М., 1997.

Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 тт. Т. 2. Современное государство и право // Сост. Н. А. Крашенинникова М., 2004.

© Васильев А.Д., 2007

Ворожцова О. А.

Нижний Тагил, Россия

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ
ПРЕДВЫБОРНОМ ПРЕЗИДЕНТСКОМ
ДИСКУРСЕ 2004 ГОДА**

Abstract

The article studies mechanisms of using precedent phenomena in the discourse of Russian and American presidential elections of 2004. The research touches upon the theory of precedent phenomena and characteristics of the presidential campaign discourse. The author draws conclusion about universal principals of using the precedent phenomena and points out nationally determined peculiarities.

Исследование политической коммуникации является актуальным направлением современной лингвистики. Политический дискурс в разнообразных проявлениях, с одной стороны, мобильно реагирует на изменения, происходящие в обществе, отражая его актуальные проблемы, с другой стороны, является транслятором традиций и ценностей того или иного национально-лингвокультурного сообщества. Особый интерес представляет предвыборный дискурс, так как в период проведения избирательных кампаний значительно увеличивается активность как самих политических деятелей, так и политологов и журналистов, освещающих конкретное политическое событие, что приводит к появлению разнообразного материала агитационного характера во всех средствах массовой информации. В печатных и электронных СМИ баллотирующимися кандидатами используются разнообразные языковые средства, нацеленные на формирование у избирателей определённого мнения, побуждающие к принятию необходимого выборного решения.

Одним из таких средств является апелляция к культурно нагруженным знакам – прецедентным феноменам. Взяв за основу дефиницию Д. Б. Гудкова [Гудков 2003: 104], с учётом уточнений, высказанных В. В. Красных [Красных 2003: 170] и Е. А. Нахимовой [Нахимова 2004: 169], определим прецедентные феномены как:

- 1) известные значительной части представителей национально-лингвокультурного общества;
- 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;
- 3) обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего национально-лингвокультурного сообщества.

Нас интересуют вербальные прецедентные феномены, к которым относят прецедентное имя и прецедентное высказывание, и вербализуемые прецедентные феномены: прецедентная ситуация и прецедентный текст.

Для получения полной картины механизмов употребления прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов была выбрана комплексная методика сопоставительного исследования прецедентных феноменов в дискурсе российских и американ-